

DOI 10.15826/qr.2018.2.310
УДК 821.161.1–3Достоевский+811.411.16'08+81'255.2

**ДОСТОЕВСКИЙ С ЕВРЕЙСКИМ КОЛОРИТОМ:
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
В ПЕРЕВОДЕ И. Х. БРЕННЕРА***

Рина Лapidус

Университет Бар-Илан,
Рамат-Ган, Израиль

**DOSTOYEVSKY IN QUASI-JEWISH GARB: CRIME AND
PUNISHMENT AS TRANSLATED BY Y. H. BRENNER**

Rina Lapidus

Bar-Ilan University,
Ramat-Gan, Israel

The author analyses the Hebrew translation of Dostoyevsky's *Crime and Punishment* by Jewish writer Y. H. Brenner published in the early 20th century, the time when Modern Hebrew was forming. The article considers the linguistic peculiarities of the Hebrew text compared to the original. The author reveals considerable differences in the linguistic and stylistic methods. In his translation, Brenner uses excerpts from Jewish prayers as parallels to the original Orthodox prayers, phrases from traditional Jewish books, and elements of the Jewish way of life. For example, to translate Raskolnikov's adamant decision to carry out his plan and kill the pawnbroker, Brenner uses a Talmudic expression with easily recognisable Jewish religious associations. By doing so, Brenner makes his translation sound more elevated than the original. Despite the stylistic and semantic deviations from the original, Brenner's translation is very accurate in rendering the spirit of Dostoyevsky's book: this is not a coincidence, since Brenner's worldview was close to that of the Russian writer. The introduction of idioms and associations characteristic of the Hebrew world and borrowings from the Jewish Bible and

* Citation: Lapidus, R. (2018). Dostoyevsky in Quasi-Jewish Garb: *Crime and Punishment* as Translated by Y. H. Brenner. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 516–534. DOI 10.15826/qr.2018.2.310.

Цитирование: Lapidus R. Dostoyevsky in Quasi-Jewish Garb: *Crime and Punishment* as Translated by Y. H. Brenner // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 516–532. DOI 10.15826/qr.2018.2.310 / Лapidус Р. Достоевский с еврейским колоритом: «Преступление и наказание» в переводе И. Х. Бреннера // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 516–534. DOI 10.15826/qr.2018.2.310.

Talmud adds Jewish colour to the dialogues and musings of the characters, which changes the style of the novel considerably and introduces a noticeable shift in its spiritual tonality. Despite all the differences between the translation and the original, the Hebrew text does transmit the special ambience of Dostoyevsky's novel.

Keywords: F. Dostoyevsky; *Crime and Punishment*; Y. H. Brenner; translation into Hebrew; Jewish garb.

Представлен подробный анализ перевода на иврит романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», сделанного еврейским писателем И. Х. Бреннером в начале XX в., в период становления современного иврита. Рассмотрены языковые особенности ивритского текста в сопоставлении с оригиналом. Выявлены существенные отличия языковых и стилистических средств перевода от оригинала. В качестве параллелей упоминаемых в оригинале православных молитв Бреннер широко использует фрагменты еврейских молитв, выражения из традиционных еврейских книг, из религиозного еврейского быта. Например, твердое решение Раскольникова реализовать свой план и убить процентщицу у Бреннера переводится талмудическим выражением, несущим в себе еврейский религиозный смысл. Таким образом, Бреннер придает своему переводу более возвышенный стиль, отсутствующий в оригинале. Несмотря на стилистические и семантические отступления от оригинала, перевод Бреннера верно передает дух книги Достоевского, и это не случайно, ведь во многом мироощущение Бреннера было близко мироощущению русского писателя. Введение в ткань произведения идиом и ассоциаций, присущих миру иудаизма, а также заимствований из еврейской Библии и Талмуда придает еврейский колорит диалогам и размышлениям персонажей, что существенно изменяет стилистику романа и создает заметный сдвиг в его духовной проблематике. Невзирая на все различия с оригиналом, перевод Бреннера все же сумел передать специфическую проблематику и атмосферу произведения Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; «Преступление и наказание»; И. Х. Бреннер; перевод на иврит; еврейский колорит.

Йосеф Хаим Бреннер, еврейский писатель и публицист, родившийся на Украине, писал главным образом на иврите¹. До переселения в Палестину (1909) Бреннер писал о стремительно ассимилиру-

¹ Йосеф Хаим Бреннер, еврейский писатель и публицист, писавший главным образом на иврите, родился в местечке Новые Млыны (Украина) в 1881 г. Учился в начальной еврейской школе («хедр»), а затем в еврейском религиозном училище («иешибот»). В 1901–1904 гг. Бреннер служил в царской армии, в 1905 г. примкнул к сионистской социалистической партии «Поалей Цион» и вскоре, став ее активным деятелем, нелегально уехал в Лондон, где основал журнал «Ха-меорер» («Будильник»), просуществовавший около двух лет (1906–1907). В 1908 г. переехал во Львов (тогда Лемберг, Австро-Венгрия), а в 1909 г. переселился в Палестину, активно сотрудничал в периодических изданиях еврейского рабочего движения. В 1920 г. он стал редактором еженесячного журнала «Ха-адама» («Земля»), издававшегося рабочей партией «Ахдут ха-авода». Погиб 2 мая 1921 г. во время антиеврейских беспорядков в г. Яффо (см.: [Краткая еврейская энциклопедия, с. 533–534]).

ющихся еврейских интеллигентах Российской империи, склонных к праздному фразерству, беспомощно зацикленных на каком-либо «одном пункте». Герои его произведений – мечтатели-идеалисты, которых безотрадная действительность либо обрекла на разочарование, либо привела на порог безумия.

Категорическое неприятие реалий еврейской жизни в диаспоре и стремление к национальному возрождению на земле предков привело Бреннера в Палестину, однако и здесь его ждали разочарования. В произведениях писателя отображены его сомнения в успешности попыток создать евреев нового типа, сообщество которых построит на исторической родине новую жизнь, основанную на созидательном труде. Герои Бреннера, пионеры-первопроходцы, носители догматически-сионистской идеологии, либо намеренно уподобляются окружающим их арабам-бедуинам, либо в конце концов приходят все к тем же беспочвенным мечтаниям, свойственным евреям диаспоры. Бреннер перевел на иврит «Преступление и наказание» Достоевского и ряд других произведений русской и мировой литературы.

Трагическая смерть Бреннера всколыхнула интерес к его творчеству. Литературная критика высоко оценила искренность и бескомпромиссный реализм его произведений. Некоторые современные литературоведы считают Бреннера предтечей экзистенциалистского направления ивритской литературы. Исследователи неоднократно подчеркивали разностороннее влияние, которое оказали на Бреннера Л. Н. Толстой и особенно Ф. М. Достоевский.

* * *

Научная литература о воздействии Достоевского на творчество Бреннера весьма обширна. Применяя различные методы анализа, литературоведы указывали на явное сходство экзистенциальных мотивов в произведениях Бреннера с творчеством Достоевского, отмечая в то же время различия в их духовном облике [Рамраз-Раух, с. 111–130, 187–190; Sagiv-Feldman, pp. 91–104; Сагив-Фельдман, с. 217–238]. Однако ни в израильских, ни в российских исследованиях практически не рассматривалась деятельность Бреннера как переводчика произведений Достоевского, прежде всего выполненного им полного перевода романа «Преступление и наказание»². К сожалению, авторы научных работ почти не упоминают ни о глубоком проникновении переводчика в духовную суть и художественное своеобразие романа, ни о его подходе к передаче текстологических особенностей, по существу, игнорируя вопрос о том, каким важным звеном в развитии переводов на иврит выдающихся произведений русской литературы был труд Бреннера.

² Эта тема подробно изложена в работах автора настоящей статьи. См.: [Лapidус, 1985; Лapidус, 1993; Лapidус, 2004].

Исследование перевода «Преступления и наказания» помогает понять, какие средства избирал Бреннер для воздействия на тогдашнего ивритского читателя. Используя стилистические «одеяния», позаимствованные из еврейской традиции, переводчик приближал великий русский роман к мировоззрению своих читателей. Работа Бреннера повлияла на формирование методов перевода у целой плеяды блестящих переводчиков русской литературы на иврит, особенно на Авраама Шленского. Более того, изучение перевода «Преступления и наказания» открывает не известные до сих пор стороны литературного стиля Бреннера.

Главное внимание в статье обращено на присущий бреннеровскому переводу еврейский колорит. Он создается идиомами, аллюзиями на понятия иудаизма, многочисленными заимствованиями из языка мудрецов Талмуда, а также из еврейской Библии. Впрочем, библейские мотивы и реминисценции оставили след и в романе Достоевского – христианском и русском по духу. Сопоставление оригинала с переводом показывает, что в ивритском перевоплощении моральная проблематика книги Достоевского включена в контекст традиционной еврейской системы ассоциаций³.

Влияние на Бреннера творчества Достоевского, и в особенности романа «Преступление и наказание», прослеживается на всех этапах его жизни и литературной деятельности [Бринкер, с. 18, 129, 230]. Первые впечатления от чтения Достоевского находим уже в его юношеском письме. 20 июня 1899 года Бреннер пишет своему другу Шимону Быховскому: «Ты спрашиваешь, прочитал ли я “Преступление и наказание” Достоевского и его “Униженные и оскорбленные”. Да, прочитал. Что касается первой – у меня нет слов, чтобы описать мое впечатление от психологической глубины этой бесценной и возвышенной книги» [Бреннер, т. 3, с. 220].

Впечатление от романа «Преступление и наказание» заметно в автобиографической повести Бреннера «Ба-хореф» («Зимой», 1902) [Бринкер, с. 117–118, ссылка 4]. Ее герой Иеремия Файерман рассказывает о первой встрече с учителем русского языка и о том, как тот с явным волнением сказал: «Я достал хорошую книгу, “Преступление и наказание” Достоевского». Позднее Файерман размышляет о том, что ему необходимо лучше изучить русский язык, чтобы глубже понять тонкие оттенки смысла, заложенные в тексте: «Если бы я лучше знал русский, я бы лучше понимал глубину мыслей автора» [Там же, с. 28, ссылка 5].

Бреннер не ограничился чтением произведений Достоевского; со временем он приложил немало усилий к тому, чтобы сделать их достоянием еврейского читателя. Уже в 1906 г. он сообщил друзьям в России о своем страстном желании перевести «Записки из мертвого дома» (письмо Бреннера от 10 января 1906 г.) [Бреннер, т. 3, с. 238].

³ В данном случае речь идет лишь о примерах, которые наиболее точно иллюстрируют данное явление. Некоторые из фразеологических оборотов и словосочетаний, которыми пользовался Бреннер, были привычными для современных переводчиков на иврит. Одновременно с этим Бреннер создал неологизмы, обогатившие язык.

Есть также сведения о том, что четыре года спустя он работал над переводом «Преступления и наказания» (письмо от 16 мая 1911 г.) [Бреннер, т. 3, с. 366]. В его личной переписке за 1911 г. есть свидетельство о завершении работы над переводом (письмо к профессору Лаховеру от 3 сентября 1911 г.). [Там же, с. 368]]. В том же году Бреннер опубликовал несколько глав своего перевода в ежемесячнике «Га-ахдут» («Единство»), выходившем в Иерусалиме при его постоянном участии. В 1913 г. в журнале были опубликованы еще несколько глав романа с добавлением заголовков, не присутствовавших в оригинале, например, «Рассказ Мармеладова». Но полный перевод романа вышел в свет только в 1924 г., через 13 лет после его создания, когда переводчика уже не было в живых.

Взгляды Бреннера на то, как нужно переводить на иврит русскую литературу, особенно Достоевского, изложены в статье, опубликованной после появления «Записок из Мертвого дома» в переводе А. З. Рабиновича [Бреннер, т. 2, с. 274–276]. Автор пишет о необходимости переводить на иврит произведения мировой литературы, в первую очередь труды Достоевского, приводя следующее объяснение: «Поскольку мы не можем дать народу Израиля землю и в то же время мы хотим что-то сделать в меру своих сил для цели становления национальной идентификации народа – нам осталась только книжная область. А если говорить о книгах, какие произведения могут быть глубже и величественнее, чем книги Достоевского?» [Там же, с. 275].

Бреннер считал, что следует переводить Достоевского без каких-либо купюр или смысловой адаптации применительно к запросам целевой аудитории. Речь идет о тех случаях, когда автор допускает враждебные или отрицательные высказывания в адрес евреев или когда авторский текст пронизан ярко выраженной христианской направленностью, чуждой еврейскому читателю. Он возражал против пропусков, сделанных по этой причине в переводе Рабиновича. И хотя Бреннер открыто заявлял, что некоторые христианские тенденции в книгах Достоевского ему не по душе, он, тем не менее, стремился перевести роман максимально точно, во всей полноте, чтобы донести до своего читателя дух и смысл оригинала. Вместе с тем Бреннер признавался, что верность Достоевскому для еврейского переводчика – это «сложная и в то же время горькая задача, для выполнения которой необходима духовная общность – в определенной мере, конечно, – или, по крайней мере, большой пиетет по отношению к этому великому славянскому психологу и философу» [Там же].

В примечаниях к статье о переводе Рабиновича Бреннер ясно и кратко сформулировал базисные положения, на которые, по его мнению, должен опираться переводчик, чтобы добиться воссоздания русского оригинала на иврите. Языковые особенности не имеют, по мнению Бреннера, большого значения; цель перевода должна заключаться в том, чтобы «применить все наши литературные силы и передать всеми возможными способами еврейскому читателю настоящий

голос немецкого, русского и т. п. писателя», поскольку «первостепенное в успехе перевода на иврит – это передача особой духовной атмосферы, характеризующей того или иного писателя» [Там же, с. 273, ссылка]. Бреннер также утверждает, что не следует обходить чуждые еврейскому читателю или сложные для его восприятия отрывки с помощью витиеватых стилистических ухищрений. «Главное, – пишет он, – это попытаться понять, как бы написали Толстой, Достоевский, Чехов, если бы они писали на иврите. Тут нужно очень остерегаться, чтобы не идти по накатанной стандартной дороге в то время, когда ситуация требует, чтобы переводчик шел по узким извилистым тропинкам каждого индивидуального русского писателя» [Там же].

Исследование перевода романа «Преступление и наказание» в свете провозглашенных Бреннером принципов позволяет выяснить, насколько он реализовал их на практике. Его перевод, опубликованный в 1924 г., был встречен восторженно. Характерен взволнованный отзыв последователя Бреннера Мордехая Кушнира: «Опять для меня настали дни уединения с Бреннером. Этот перевод – перевод и произведение в одно и то же время. Многого можно почерпнуть из него. И научиться переводить» [Кушнир, с. 89].

Писатель Яков Рабинович опубликовал разбор бреннеровского перевода. Отметив, что известная книга Достоевского «вошла к нам в переводе переводчика, который как будто специально был создан для нее», он указал на главное достоинство работы: «Бреннер занялся переводом Достоевского, и вышло нечто органичное. Бреннеровские добавления не ослабили атмосферу, а сделали книгу более понятной, нашей» [Раф-Раф, с. 91–92]. Вместе с тем Рабинович не уклоняется от критических замечаний касательно стилистических проблем перевода. Он обращает внимание на средства создания еврейского колорита: «внутренние недостатки, талмудические выражения, придающие иногда диалогам особый, неприземленный привкус... Лучше было бы, конечно, воздержаться от них» [Там же]. Намеки Рабиновича относительно еврейского колорита бреннеровского труда требуют прояснения и расшифровки. Однако с тех пор исследователи не предпринимали попыток подробно рассмотреть стилистические особенности перевода.

* * *

В переводе Бреннера следует различать два слоя лингвистических и понятийных ассоциаций: почерпнутые из языка мудрецов талмудической эпохи, с одной стороны, и связанные с еврейской Библией, с другой⁴. Подобного рода «инкрустации» из мира иудаизма сообща-

⁴ В статье сначала приводится текст перевода Бреннера в транслитерации, далее в круглых скобках – обратный перевод на русский, выполненный автором статьи. Текст оригинала цитируется по изданию: [Достоевский, 1972]. Текст перевода цитируется по изданию: [Достоевский, 1924]. Здесь и далее ссылки на источники даны в круглых скобках, первая – на перевод, вторая – на оригинал; если указана только одна цифра, то имеется в виду текст перевода.

ют роману определенный еврейский колорит, сразу ощущаемый любым, кто изучал еврейскую религиозную литературу. Это особенно заметно в диалогах, которыми изобилует текст Достоевского. Широкое использование языковых ассоциаций, не присутствующих в оригинале, оживляет диалоги, а иногда привносит новые черты в образы героев романа, в их духовный мир. Еврейский колорит перевода затушевывает или скрывает христианское мышление, свойственное Достоевскому. Сравнение двух текстов, Достоевского и Бреннера, приводит к выводу, что в переводе язык героев романа принадлежит к более высокому языковому регистру, нежели в оригинале. Бреннер, в юношестве впитавший дух иешибота, наделяет героев развитой ассоциативностью, что вносит изменения в их мышление, тем самым отличая перевод от оригинала⁵.

Бреннер зачастую применяет, особенно в диалогах, устоявшиеся ивритские и арамейские обороты, употребляющиеся в талмудических дискуссиях. Так, для передачи словосочетания «это означает, что...» часто используется арамейское выражение *шма мина* («из этого следует», букв. – «слушай из этого») (Вавилонский Талмуд, трактат Песахим 4А)⁶. Например, «Следовательно (*шма мина*), Кох и Пестряков убили» (141; 164). Использует Бреннер и выражение *ве им тимца ломар* («а если сможешь доказать»), характерное для талмудических дискуссий. Настойчивое стремление переводчика к употреблению этого оборота иногда приводит к отклонению от оригинала: вместо «...а впрочем, черт с ними со всеми!» у Бреннера читаем: «...а если сможешь это доказать (*ве-им тимца ломар*), то пусть их всех черт поберет!» (195; 216) (Трактат Шаббат 136А).

Внутренние сомнения и колебания героя описываются арамейским талмудическим выражением *шикла ве-тарья* («обсуждение»). Так, для передачи фразы «соображали и раздумывали мы» (39; 70) в переводе появляется: «мы обсуждали это в наших мыслях» (*шакалну ве-тарину бе даатейну*). Если в оригинале написано «действительно как бы...», то в переводе используется привычный для Талмуда риторический вопрос *машал ле ма ха-давар доме* (букв. – «уподобление: на что это похоже?») (316; 346).

Пренебрежительные слова Разумихина «вся эта болтовня – себя-тешение» передаются в переводе с вставкой, восходящей к Талмуду: *сису беней меай* (букв. – «радуйтесь, мои внутренности» – выражение удовольствия) (155; 177) (Трактат Бабба Мециа 83Б). Реплика Разумихина Раскольникову в момент, когда он возвращает тому аннулированный вексель («... вот, возьмите, надорвана мною как следует») передается в переводе таким образом: «...и посмотри, что я порвал его, как полагается по еврейскому закону» (131; 155). В разговоре о ду-

⁵ Об использовании Бреннером в публицистике идиом из еврейской Библии и Талмуда см.: [Версес, с. 183–189].

⁶ Далее, если не оговорено иное, все трактаты относятся к Вавилонскому Талмуду.

шевном состоянии Раскольникова Разумихин замечает: «Я теперь всю подноготную понял», а на иврите – опять идиома из талмудических дискуссий: *ахшав ярадти ани ле-омко шель ха-давар* (букв. – «сейчас я погрузился вглубь этого дела») (196; 217) (Трактат Бабба Мециа 117А; Трактат Бабба Кама 39А). Приведенные примеры наглядно показывают, что употребление талмудической фразеологии придает переводу Бреннера сугубо еврейский колорит, далекий от оригинала.

Бреннер часто пользуется арамейскими устоявшимися выражениями. Так, Порфирий Петрович напоминает Раскольникову об их «странной» встрече, когда у Раскольникова «нервы поют и подколенки дрожат». Здесь, отказываясь от буквального перевода метафоры «нервы поют», Бреннер заменяет ее арамейским оборотом *шинай да ле-да накшан* (букв. – «мои зубы стучат друг о друга») (451; 462). Подобное предпочтение арамейских выражений заметно и в описании настроения жены Мармеладова Катерины Ивановны, переходившей от надежды к отчаянию: *ми-игра рама ле-бира амикта* (букв. – «с высокой горы в глубокую яму») (383; 396) (Трактат Хагига 5Б). Склонность переводчика к высокому регистру, к талмудическим и арамейским оборотам проявляется и в замене синонимического ряда «без всякого интереса, безо всякого личного расчета, совершенно бескорыстно» на общепринятое в контексте еврейской религиозной практики выражение, употребляемое для обозначения бескорыстного служения Богу: *ше ло ал менат лекабел прас* (букв. – «не для того, чтобы получить награду») (384; 398)) (Мишна, трактат Авот 1 : 3). Окончательное решение Раскольникова реализовать свой замысел сформулировано у Бреннера так: *Зо-хи гезера де-ло авида либатель* (букв. – «Это указание свыше, которое не может быть отменено») (44; 75)) (Трактат Кетубот 3Б). Иногда в переводе Бреннера появляются целые предложения, составленные из коротких арамейских выражений. Например, когда Свидригайлов говорит: «Я поэтому... спрятался, как школьник», это передается по-арамейски: *Ке бар бей рав ме-хай таама* (471; 482), причем слово «школьник» переводится как «ребенок, обучающийся в еврейской религиозной школе». Интересно, что в репликах персонажей арамейские слова употребляются чаще, чем в повествовательной части романа, хотя и в авторской речи можно найти арамейские слова и обороты.

Идиоматические выражения, заимствованные из языка мудрецов Талмуда, приводили к несовпадениям с оригиналом, но придавали переводу более естественный для тогдашнего еврейского читателя облик. Подобные несовпадения были нередко связаны с еврейской окраской деталей. Так, Свидригайлов говорит о передаче денег родственникам Софьи Ивановны: «...деньги, причитающиеся им, выданы мною на каждого, под расписки, куда следует, в верные руки», а в переводе сказано, что деньги переданы «в верные руки, с подписью по всем правилам еврейского закона» (500; 511). Переводчик стремился подыскать еврейский эквивалент русским фразеологизмам.

Так, поговорка «все пойдет как по маслу» переведена таким образом: «все придет на свое место с миром» (230; 247).

В переводе встречается немало случаев эмоционального или количественного усиления по сравнению с оригиналом, что связано с тяготением Бреннера к высокому стилю. Например, вместо выражения «уже давно» употребляется арамейское *ze idan ve adanim* (букв. – «срок и сроки») (31; 63), что придает тексту более высокую стилистическую окраску. Иногда усиление и даже преувеличение возникает в переводе за счет синонимического удвоения. Так, у Достоевского о Петре Петровиче сказано: «негодный сплетник», а в переводе это передано более энергично: «идет сплетник и возводит напраслину» (248; 264). Простая констатация факта «но, зная мерку» приобретает на иврите несколько торжественное звучание благодаря введению устойчивого словосочетания «не переполнял меру» (255; 271). Атмосфера исповеди, характерная для романа, также передана в переводе в более резком тоне, с помощью особых эмоционально окрашенных оборотов, свойственных ивриту. Например, заявление «Так даю показание» заменяется в переводе синонимическим удвоением: «Вот я признаю и исповедуюсь» (167; 189).

Лексические добавления, витиеватость стиля в переводе Бреннера по сравнению с описательно-суховатым языком оригинала – это не только следствие продуманной концепции перевода, но и результат склонности переводчика к образным выражениям, позаимствованным из языка еврейской Библии или мудрецов Талмуда. Нередко Бреннер пользуется приемом смыслового развития. Так, если в русском оригинале «и только изредка чуть-чуть отворяют дверь», то в ивритском переводе появляется образное добавление, почерпнутое из языка талмудических мудрецов: «...и только изредка кто-то из них открывал дверь на щелку шириной в иголку» (123; 148) (Мидраш Песни Песней 5 : 2). Метафорические вставки в переводе, где присутствует усиление по сравнению с оригиналом, можно обнаружить и в следующих примерах. К словам Замятова «А вот поймите-ка его, подите, теперь!» в переводе добавляется идиоматическое выражение «Вам ли поймать улетевшего ворона!» (170; 192) (см.: Трактат Хуллин 89А). Размышления Раскольникова «а переступить-то не переступил» приобретают неожиданную окраску: «но границу еврейского закона я не переступил» (280; 296) (Тосефта, трактат Хуллин 2 : 23). Исполненное чувства утверждение Раскольникова «не я в этом виноват» заменяется метонимическим выражением «не на моей шее висит ярмо вины» (270; 286–287) (Трактат Санхедрин 7Б).

В тексте Бреннера встречаются также эпиграмматические выражения и гиперболизированные обороты в духе наследия мудрецов Талмуда. Например, в оригинале «стотысячную черточку пропустишь», тогда как в переводе «если ты ошибешься на одну стотысячную кончика иголки в соблюдении еврейского закона» (279; 296). Бреннер отказывается от использования русской фольклорной метафоры,

присутствующей в оригинале. Так, в описании фантазий Раскольникова, погруженного в безделье, у Достоевского сказано: «Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе». В переводе это выражение заменяется оборотом, более понятным еврейскому читателю: «Лежа целыми днями и ночами в моем углу и думая... о яйце, которое курица снесла еще в субботу» (40; 6)⁷.

Различие между русским оригиналом и ивритским переводом особенно бросается в глаза, когда Бреннер использует арамейские пословицы и поговорки, которые не совсем точно соответствуют замыслу автора. Например, слова Лебезятникова: «Ну мог ли, мог ли я иметь все эти мысли и рассуждения», – Бреннер переводит: «Разве я должен перечислять все мысли, которые посетили мою голову тогда, подобно тому, как мелкий торговец перечисляет свой товар?» (403; 417) (Трактат Гиттин 33 А). Сходное явление наблюдается при переводе предложения о том, что Разумихин «был пьян, а потому... ругал перед девушкой... из глупопоспешной ревности ее жениха», которое Бреннер передает таким образом: «Вино, вошедшее в Разумихина, вывело тайну». В переводе – явная аллюзия на талмудическую поговорку: «Вошло вино – вышла тайна» (217; 196) (Трактат Эрувин 65А). То же присловье встречается и в другом месте романа: «Вошло вино – вышла вся правда», что соответствует пословице «Истина в вине» (*лат.* «In vino veritas»). Так что иногда идиоматика оригинала и перевода совпадает.

Зачастую Бреннер заменяет устоявшиеся сравнительные обороты, широко употребляющиеся в русской народной речи, на сравнения, заимствованные из Талмуда. Например, у Достоевского женщина, пришедшая прибирать каморку Раскольникова, говорит ему: «А ты что, умник, лежишь как мешок», тогда как у Бреннера использована талмудическая сравнительная конструкция «Зачем ты лежишь как камень, который некому перевернуть» (32; 64) (Трактат Санедрион 14В). Решительные мысли Раскольникова насчет того, что он «сегодня же выжмет всего Порфирия как лимон» переведены талмудическим сравнением «раскрою его потроха как рыбу» (277; 93) (Трактат Песахим 49В). Приведенное в оригинале сравнение «Вот и улика в пирамиду египетскую!» заменяется в переводе на заимствованное из талмудических источников: «С балку маслодавильни» (276; 296) (Мишна, трактат Недарим, 3 : 3; Вавилонский Талмуд, трактат Недарим 25А). Русская поговорка «По одежке протягивай ножки» в размышлениях Раскольникова заменяется на парафраз талмудического присловья: «Если нет крыльев, чтобы летать, – ползи» (45; 77) (Тосефта, трактат Хуллин 3 : 23).

⁷ Суббота – святой день по еврейскому закону. См.: (трактат Бейца 2А; трактат Киддушин 66А).

* * *

Вследствие постоянного обращения переводчика к еврейским стилистическим и мировоззренческим понятиям в тексте перевода заметна общая тенденция к возвышению стиля будничных описаний. Это явление представляет собой часть более значительной системной трансформации, обусловленной внедрением в перевод традиционных еврейских понятий, что часто приводит к отходу от реалий оригинала, а также к смысловому развитию и усилению по сравнению с ним. Например, у Достоевского Раскольников и Порфирий Петрович во время спора о вечных ценностях «на воздушных париках», а в переводе Бреннера они «блуждали по высшим мирам» (262; 278). Тенденция к привнесению в текст еврейских духовных ценностей прослеживается и в таком примере: о планах Раскольникова в оригинале говорится: «да ведь это буки»; в переводе же это переходит в совершенно иную ассоциативную систему: «ведь все это закон, который будет действовать во времена Мессии» (то есть никогда) (49; 80).

Лексика и фразеология, заимствованная из талмудической литературы, неразрывно связана с традиционным еврейским образом жизни и присущей ему системой понятий, что накладывает значительный отпечаток на перевод. Так, если Достоевский пишет про Марфу Петровну: «поняв всё превратно», то в переводе она перевоплощается в «извратившую [слова] Священного Писания» (39; 67). Человек, который описан в романе как всецело посвятивший себя науке, предстает в переводе как «готовый принести себя в жертву ради изучения Священного Писания» (55; 86); нищие и голодающие люди называются на иврите «держатели пост» (55; 86); в оригинале Свидригайлов «съесть не мог ни куска (хлеба)», а в переводе – не способен съесть «даже минимальную меру объема пищи, разрешенную в религиозный пост, размером примерно с маслину» (505; 516).

Среди еврейских представлений, в которые Бреннер «облачил» роман Достоевского, выделяется группа понятий духовно-религиозного плана. Например, в переводе особым весом обладают такие ивритские термины, как «усмирение греховного начала» и «высшее наказание» в том значении, какое придается им в рамках иудаизма. Между тем, в оригинале именно эти слова и соответствующие им понятия трактуются с христианской точки зрения. Подобная терминология наиболее часто встречается в диалогах, хотя присутствует и в авторской речи. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих это положение. Вопрос Свидригайлова: «Для чего я буду себя сдерживать?» – сформулирован в переводе так: «Зачем мне натравливать доброе начало на греховное?» (472; 483). Нотация, которую прочел Разумихин Зосимову из-за того, что тот не может ни в чем уступить, выдержана у Бреннера в терминах усмирения греховного начала: «И ты не можешь преодолеть греховное начало ни в чем?!» (215; 231).

О горячем желании Мармеладова завести беседу с Раскольниковым в переводе сказано: «Сильное греховное начало этого человека направлено на то, чтобы завести беседу» (14; 47).

Центральные проблемы романа – чувство вины и соразмерность наказания – сформулированы в переводе в типичных терминах иудаизма, что порой придает тексту большую драматичность. Мнение Петра Петровича, что нужно уметь прощать, выражено в переводе обобщенно: «Нужно судить обо всем в лучшую сторону». Прочувственные слова Мармеладова о своей жене («И я не осуждаю») переведены цветистой фразой («Я не сужу ее на сторону прегрешения») (24; 56).

Понятия «закон», «(Высший) судья» и «(Высший) суд» также получают в переводе новое наполнение в соответствии с еврейским религиозным контекстом. Отчаянная просьба Катерины Ивановны к Петру Петровичу защитить ее от нападок хозяйки, завершающаяся словами: «...на это есть суд... Она ответит» – формулируется в духе ивритского идиоматического оборота: «...на это есть (Высший) суд и есть (Высший) судья» (394; 408). Предупреждение Раскольникову, что «заимодавец волен... поступить по закону» переведено как «вести себя по всей строгости (религиозного) закона» (104; 129). Слова, обращенные Свидригайловым к Раскольникову: «...заинтересовала... некоторая мысль... которую вы... проводите только намеком, неясно», – получает в переводе заметное усиление: «...и какие греховные мысли были» (255; 281). Понятие «наказание» заменяется в переводе на термин «уголовное право» (букв. – «законы о душах»). Возможно, Бреннер хотел подчеркнуть, что речь идет о строгом суде, приговором которого может явиться смертная казнь – наказание, полагающееся по российскому закону осужденному за убийство. Иронический оборот «прогуляться в Сибирь» переводится у Бреннера так: «быть посланным в землю дальнюю»; характерно, что это выражение используется в Библии применительно к козлу отпущения (544; 552). А грешник, испытывающий страдания, говорит в переводе об «очищении от греха» (521; 531)⁸. Мотив сожаления о содеянном, самобичевания также выражен в ивритском переводе более интенсивно, причем в этом контексте возникают ассоциации со «страхом перед небесным судом», например: «исповедуются во всеуслышание и принимают на себя все виды соответствующего раскаяния... дабы услышали и убоялись» (269; 295) (Алнакава, Менорат Ха-Меор, Нью-Йорк, гл. 3, с. 114-115; Числ. 17 : 2-13).

Герои Достоевского говорят будничным языком, тогда как Бреннер придает их беседам колорит возвышенности и святости. Так, словам Пульхерии Ивановны: «Но я пойду к здешней хозяйке, я умолю ее, чтоб она дала мне и Дуне угол на эту ночь», – соответствует на иврите: «Вознесу пред нею свою мольбу» (205; 222). Введение ассоциативных оборотов в духе традиционного еврейского мировоззрения бросается в глаза в нескольких местах перевода. Выражение Раскольникова, что

⁸ Ср.: «очищение моего страдания» (Альшейх, трактат Хелкат Мехокек; Иов 14 : 18).

его сестра Дуня не отдаст свою нравственную свободу «за весь Шлезвиг-Гольштейн», это гипербола, связанная с политической ситуацией в Европе XIX в. У Бреннера эта ассоциация заменяется совершенно иной, в контексте иудаизма: девушка не продаст свою свободу «за 310 миров» – намек на понятие «у каждого праведника есть 310 миров» (47; 78) (Мишна, трактат Укацин, 3:12; Мидраш Мишлей 8 : 9).

Широко представлены в переводе Бреннера вставки из еврейских молитв и аллюзии на них. Прежде всего они возникают как параллели отрывкам и терминам православной молитвы, включенным в оригинал, но нередко и дополняют оригинальный текст в соответствии со стилистической и концептуальной установкой переводчика. Например, на похоронах Катерины Ивановны священник читает молитву «Упокой, Господи», в переводе же он читает заупокойную еврейскую молитву «Бог, полный милосердия, сотвори истинное успокоение...» (443; 454). Словам Пульхерии Ивановны о Марфе Петровне «да упокоит Бог ее душу!» соответствует на иврите формулировка еврейской поминальной молитвы: «Пусть будет ее душа связана в связку жизни» (316; 330). Слова священника «Бог милостив» заменяются в переводе на повторяющуюся формулу из еврейских молитв: «Господь Бог милосердный и милостивый» (189; 211). Молитва Раскольников «Боже мой, покажи мне мою дорогу» заменяется обращением, взятым из псалмов: «Бог... покажи мне путь, по которому я пойду» (Пс. 27 : 13; 86 : 11; 119 : 33) (64; 96).

Бреннер часто пользуется отрывками из еврейских молитв для описания каждодневных ситуаций, которые у Достоевского никак не связаны с молитвой. Так, надежда Порфирия Петровича на то, что Раскольников вскорости сдастся полиции, выражена в переводе формулировкой, напоминающей еврейскую поминальную молитву «Кадиш» (454; 466). О гражданском браке, который более не действителен, говорится по образцу молитвы Судного дня «Коль нидрей»: «И сейчас этот брак недействителен и не существует» (381; 394). Слова Замятова «я совершенно в этом уверен» заменены формулировкой одного из принципов иудаизма «я верую полной верой» (168; 191).

* * *

Бреннер предпочитал библейской идиоматике фразеологию иврита талмудического периода. Вместе с тем в беллетристических произведениях писателя заметно, что он многое впитал из языка Библии. В переводе «Преступления и наказания» фундамент библейского иврита дополняется талмудическими ассоциациями. Используя богатства библейского языка, Бреннер придает большую интенсивность чувствам героев. Кроме того, библейские обороты вносят в текст новые ассоциативные слои, отсутствующие в оригинале. Все это поднимает описываемую реальность на новую духовную высоту. Иногда высокий языковой регистр перевода добавляет тексту шуточный

привкус, смягчающий мрачную атмосферу книги, однако в основном он лишь заостряет патетические и трагические мотивы в художественном пространстве романа.

Библейские эпитеты и цитаты, относящиеся к судьбе народа Израиля, использованы в переводе «Преступления и наказания» для описания обыденных ситуаций. Беседуя с девушкой, пойманной за проституцию, полицейский сетует на развращение нравов, цитируя библейское описание поколения потопа: «извратила всякая плоть свой путь на земле» (53; 84) (Быт. 6 : 12). Слова упрека, обращенные Моисеем к сынам Израиля, трансформируются в переводе в укор Разумихина Зосимову: «Отучнел ты, растолстел, разжирел, и не можешь ты преодолеть свое греховное начало ни в чем» (214–215; 231) (Втор. 32 : 15). В таком переносе есть некая толика пародии, ведь возвышенное метонимичное выражение из Библии использовано в переводе для реалистичного описания тела конкретного человека. Также мысли Раскольникова: «...переждать где-нибудь на незнакомой лестнице?» облачены в переводе в пророчески-величавую форму: «подождайте, пока минет Божий гнев» (90; 119) (Ис. 26 : 20). А разудалое прислобие «Пить, так пить все разом» получает в переводе патетическое звучание в духе слов пророка Исаяи: «если пить отравленный кубок, выпью его вместе с осадком, до конца» (527; 538) (Ис. 51 : 17).

Пропасть между возвышенной стилистикой перевода и будничными описаниями Достоевского отнюдь не была нацелена на то, чтобы произвести сатирическое впечатление. Но порой расхождение между торжественным контекстом, откуда Бреннер черпает языковые ассоциации для своего перевода, и обыденностью ситуаций, описанных в оригинале, привносит в текст пародийный оттенок. Так, Разумихин, движимый простыми и непосредственными влечениями, иногда ведет себя необузданно, отчего о нем говорят как о «богатыре»; в переводе Бреннера этому герою дается библейское прозвище: «муж распрей – и слава у него среди силачей» (56 : 86) (Мишлей 26 : 21; Амос 2 : 15). Заявление Порфирия Петровича, что он «уже не пьет», передается в переводе посредством цитаты, относящейся к назорейству Самсона: «вино и сикера не войдут в мои уста» (450; 462) (Суд. 13 : 4; 7 : 15). Иногда библейский стиль становится более уместным для описания житейских ситуаций в романе. Таковы воспоминания Раскольникова о больной девочке, к которой он привязался в детстве, построенные в ивритском тексте на основе описания отношений между Давидом и Ионатаном: «связалась тогда моя душа с ее душою» (237; 254) (I Самуил 18 : 1). Преданность Сони Раскольникову, готовность идти за ним повсюду находят параллель в словах героини Писания Руфи, обращенных к ее свекрови Наоми (Руфь 1 : 16): «я всегда последую за тобой, куда ты пойдешь» (416; 428). Поведение Раскольникова передается на иврите посредством ассоциаций с уходом праотца Иакова из отчего дома: «и поднял свои ноги и пошел» (7–8; 40) (Быт. 29 : 1).

Из-за излишней склонности Бреннера к библейским идиоматическим оборотам с их метафоричностью и ориентацией на притчу некоторые описания и диалоги получают в переводе более высокую стилистическую окраску за счет добавления особенностей, которые отсутствуют в оригинале или даны в нем лишь намеком, а в переводе раскрыты со всей очевидностью. Например, окрашенные церковнославянским колоритом мечтания Мармеладова о будущем искуплении грехов («Прощаются же и теперь грехи твои многи») еще сильнее подчеркиваются в переводе с помощью введенного библейского сравнения: «все твои грехи будут отбелены как шерсть» (26; 58) (Ис. 1 : 18). Слова матери Раскольниковова «прижму я тебя к моему сердцу» переданы в переводе с инкорпорацией сравнительного оборота из Песни Песней: «я обниму тебя и положу как печать на сердце свое» (42; 74) (Мидраш Песни Песней 8 : 6).

Эмоциональные ситуации, которые у Достоевского описаны реалистично, в переводе представлены более ярко и напряженно ввиду опоры на библейскую образность. К описанию «девочка дрожала... как лист» в иврите добавлено библейское сравнение: «как лист, гонимый ветром» (29; 62) (Левит 26 : 36; Иов 13 : 25). Заявление Мармеладова «о том я умалчиваю» передано метонимическим выражением в духе Библии: «я ставлю преграду моим устам» (20; 53) (Пс. 39 : 2). Упоминание о девушке, которая «уже испытала бедственное положение», приобретает в переводе более драматичный колорит из-за введения метафоры: «видела беду в скипетре гнева Божьего» (40; 71) (Плач Эйха 3 : 1). В оригинале – просто «краснею», но в переводе – «стыд покрыл мое лицо» (155; 177) (Иер. 51 : 51; Пс. 69 : 8). Уверенность Раскольниковова в том, что его сестра Дуня будет хранить свою нравственную свободу любой ценой, передается в переводе языковыми ассоциациями, взятыми из слов пророка Амоса (47; 78) (Амос 2 : 6; 8 : 6).

Угрызения совести Раскольниковова описаны в переводе в духе страданий Иова, чего нет в оригинале. У Достоевского Раскольников чувствует, что «сознание своего бессилия... почти придавило его», а у Бреннера вместо этого: «почти достиг я врат смерти» (ср.: Иов 38 : 17; Пс 107 : 17). И далее в ивритском тексте Раскольников выражает произошедший с ним религиозно-нравственный переворот стихами из Книги Иова («вода отесала камень») (Иов 14 : 19), тем самым придавая своим чувствам еще большую драматичность.

Беседы и мысли второстепенных персонажей также претерпевают в переводе заметную интенсификацию. Жалоба на то, что кто-то «собственноручно избил» жену Мармеладова, передается на иврите языком пророка: «ударил мою жену кулаком злодейства» (16:50) (Ис. 58 : 4). В оригинале Петру Петровичу «пришла было мысль... наказать обеих дам (сестру и мать Раскольниковова) так, чтобы разом дать все почувствовать», которая превращается в ивритском тексте в грозное предупреждение в библейском духе: «дабы услышали, и убоялись, и не поступали более дерзко» (302; 316) (Втор. 17 : 13; см. также: Быт. 43 : 30; 1 Цар. 3 : 26).

Аналогичная интенсификация заметна и в описаниях чувств персонажей. Описывая ощущения ребенка, Достоевский пишет: «он ломает свои руки», Бреннер же пользуется оборотом, который буквально означает: «его сердце думало разбиться». Этот оборот восходит к библейскому описанию корабля пророка Ионы, который «думал разломаться» (то есть почти разломался) (62; 92) (Иона 1 : 4). В описании ужаса Лизаветы, сестры процентщицы, увидевшей Раскольникова, у Достоевского сказано, что она «раскрыла было рот, но все-таки не вскрикнула». В бреннеровском переводе эта ситуация описана с использованием известной цитаты из псалмов о тех, кто позабудет святой город Иерусалим: «желала сказать что-то, но ее язык как будто прилип к гортани» (80; 109) (Пс. 137 : 6). Присущие библейскому языку синонимические повторы также вносят свою лепту в эмоциональную интенсификацию, характерную для перевода. Ласковое обращение Мармеладова к своей дочери: «Сонечка, голубка моя» меняется в ивритском тексте на «голубка моя, невинная моя» (23; 56) (Песн. 52; 6 : 9) в подражание Песни Песней. Иногда Бреннер меняет фигуральное выражение, присутствующее в оригинале, на другое, опираясь на фигуральные обороты Ветхого Завета (Пс. 92 : 13; 1 Цар 5 : 13).

Бреннер часто включает в свой перевод библейские цитаты, при этом иногда происходят смысловые изменения. Так, например, размышляет Раскольников (на иврите): «Я бы убил эту проклятую старуху, а всё её имущество – разграбить!» (124; 149) (2 Хроники 20 : 25; Эстер 3 : 13; 5 : 11). Так, Бреннер заменяет сказанное в первоисточнике о подавленном настроении Раскольникова после убийства: «старый страх опять объял всего его, с ног до головы» на библейский оборот, буквально – «от стопы ноги его до его головы» (112; 137) (Ис. 1 : 6). В горькие размышления матери Раскольникова о том, что тот забросил учение, переводчик вставляет цитату из описания беременной Ревекки, почувствовавшей распрю сыновей, враждующих в ее чреве: «Если так – то зачем мне рожать?» (130; 154). Сходный прием наблюдаем в переводе реплики Мармеладова: «но когда я достиг нищеты – нет праведника на земле, за грех бедности не палкой будешь изгнан из Рая, а метлой уничтожения тебя выметут из общества людей...» (16; 49) (Еккл. 7 : 20; Иов 30 : 5; Ис 14 : 23).

Библейские реминисценции касаются не только лексики и фразеологии, самый строй художественной речи Бреннера пронизан ритмом библейского повествования, опирается на присущий ему синтаксис (Быт 13 : 10; 18 : 2; 24 : 63; 31 : 10; 43 : 29).

* * *

Изучение перевода Бреннера приводит к выводу, что он создал текст, отличный от оригинала. Постоянные обращения к языку Ветхого Завета и мудрецов Талмуда придают роману «Преступление и наказание» новые ассоциативные нотки, отсутствующие в перво-

источнике. В переводе роман насыщен еврейской образностью, сообщающей ему более возвышенный колорит. Переживания и ситуации, через которые проходят герои, переданы более яркими красками.

Усиленный и усложненный по сравнению с оригиналом язык используется как для описания обыденного существования, так и для выражения возвышенных устремлений героев. Иногда между низменной реальностью и языком ее описания пролегает настоящая пропасть, что создает впечатление пародии на стиль Библии и Талмуда. Несмотря на стилистические и семантические отступления от оригинала, перевод Бреннера верно передает дух книги Достоевского, и это не случайно, ведь во многом Бреннер был близок мироощущению Достоевского.

Перевод «Преступления и наказания» был с одобрением принят как современниками Бреннера, так и читателями следующего поколения, поскольку они были глубоко связаны с иудаизмом и его традиционной литературой, даже если и отошли от религии.

В заключение отметим, что в переводе Бреннера роман Достоевского «Преступление и наказание» порой оказывает на ивритского читателя, знающего русский язык, даже более глубокое воздействие, нежели оригинал.

Список литературы

[Абуаб И. Менорат Ха-Меор // Абуаб И. Собр. соч. : в 3 т. Нью-Йорк : Яд Биньямин, 2010. Т. 1. 368 с.]

אבואב, יצחק, מנורת המאור, ניו-יורק: יד בנימין, תשע"א, ב-3 כרכים, כרך א', תנ"ט עמ'.

[Альшейх М. Б.-Х. Хелкат Мехокек : Иов // Альшейх М. Собр. соч. : в 4 т. Бруклин : Вайс, 1979. Т. 1. 103 с.]

אלשיך, משה בן-חיים, הלקת מחוקק: איוב, בתוך: מ' אלשיך, כל כתביו ב-4 כרכים, ברוקלין: וייס, 1979.

[Бреннер И. Х. Полное собрание сочинений : в 3 т. Тель-Авив : Девир, 1962. Т. 1. 500 с. Т. 2. 460 с. Т. 3. 516 с.]

ברנר, י"ח, כל כתביו ב-3 כרכים, תל-אביב: דביר, תשכ"ב, כרך א' – 500 עמ', כרך ב' – 460 עמ', כרך ג' – 516 עמ'.

[Бреннер И. Х. // Краткая еврейская энциклопедия : в 11 т. Иерусалим : Изд-во Еврейск. ун-та в Иерусалиме, 1976. Т. 1. С. 533–534.]

ברנר, י"ח, האנציקלופדיה העברית, ירושלים: האוניברסיטה העברית בירושלים, 1976, כרך א', 534-533.

[Бринкер М. До Тавернианского переулка. Тель-Авив : Ам Овед, 1990. 339 с.]

ברינקר, מנחם, עד הסימטה הטרכבריינית, תל-אביב: עם עובד, 1990.

[Версес Ш. Публицистика И. Х. Бреннера и ее символика // Тетради Бреннера 3–4 : сб. ст. Тель-Авив : Девир, 1985. С. 183–189.]

ורסס, שמואל, "הפובליציסטיקה של י"ח ברנר וסממניה", מחברות ברנר, ג-ד, כל כתביו ברנר, תל-אביב: דביר, תשמ"ה, עמ' 189–183.

[Достоевский Ф. М. Преступление и наказание : роман в 6 ч. с эпилогом / пер. И. Х. Бреннера. Варшава : Штибль, 1924. 550 с.]

דוסטויבסקי, פ"מ, החטא ועונשו: רומן בששה חלקים עם אפילוג, תרגום י"ח ברנר, ורשה: שטיבל, תרפ"ד, עמ' 550.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М. : Худож. лит., 1972. 559 с.

[Еврейская Библия : Бытие, Второзаконие, Числа, Исая, Иов, Песня Песней, Псалмы. Иерусалим : Корен, 1983. 9290 с.]

תשמ"ג. מקרא: בראשית, שמות, ויקרא, ישעיהו, איוב, שיר השירים, תהלים, ירושלים: קורן,

- [Кушнir M. В эти дни // Хедим. 1924. № 3 (1). С. 88–89.]
 קושניר, מרדכי, "בימים אלה", הדים, ג' (א), תאפ"ד, עמ' 88–89.
- [Лapidус P. О Левиафане и Диком Быке, аллюзии Иосефа Хаима Бреннера на Федора Достоевского // Весы. 1985. № 1–2 (69). С. 31–33.]
 לפידוס, רינה, "על לווייתן ושור הבר: לסוגיית זיקתו של יוסף חיים ברנר לפידור דוסטויבסקי, מאזניים, נ"ט, תשמ"ה, עמ' 31–33.
- Лapidус P. Русские влияния на ивритскую литературу в период между 1870–1970 годами. М. : ИМЛИ РАН, 2004. 267 с.
- [Лapidус P. Русские понятия и языковые формы в «Мисавив ла-некуда» («Вокруг пункта») И. Х. Бреннера // Поворотные пункты в ивритской литературе и их связь с другими литературами : сб. ст. / под. ред. З. Шамира, А. Гольцмана. Тель-Авив : Тель-Авив. ун-т, 1993. С. 157–165.]
 לפידוס, רינה, "מושגים ותבניות-הלשון הרוסיים ב'מסביב לנקודה' ל"ח ברנר", בתוך: נקודות מפנה בספרות העברית וזיקתן למגעים עם ספרויות אחרות, בעריכת זיוה שמיר ואבנר הולצמן, אוניברסיטת תל-אביב, תשנ"ג, עמ' 157–166.
- [Рамраз-Раух G. Бреннер и современная литература. Тель-Авив : Экед, 1979. 201 с.]
 רמרו-ראוך, גילה, "ח ברנר והספרות המודרנית, תל-אביב: עקד, 1979.
- [Раф-Раф (Яаков Рабинович). Комментарии и оценки («Преступление и наказание») // Хедим. 1924. № 3 (1). С. 90–93.]
 93-90 עמ' תרפ"ד, ג' (א), תרפ"ד, עמ' 93-90.
- Sagiv-Feldman Y. Между мифическим и трагическим – «Вокруг пункта» как ответ на перевод Бреннера «Преступление и наказание» // Тетради Бреннера 3–4 : сб. ст. Тель-Авив : Девир, 1985. С. 217–238.
- [שגיב-פלדמן, י', 'בין המיתי לבין הטראגי', "מסביב לנקודה" כתגובה על "החטא ועונשו", מחברות ברנר, ג-ד (תשמ"ה), עמ' 217–238.]
- Sagiv-Feldman Y. From Dostoyevsky to Brenner // Hebrew Annual Rev. 1979. № 3. P. 91–104.

References

- Abuav, I. (2010). Menorat Ha-Meor. In Abuav, I. *Collected Works*. 3 Vols. N. Y., Yad Binyamin. Vol. 1. 368 p.
- Alshech, M. B.-Ch. (1979). *Helqat Mehoqeq*. In Alshech, M. B.-Ch. *Collected Works*. 4 Vols., Brooklyn, Weiss. Vol. 1. 103 p.
- Brenner, Y. H. (1962) *Collected Writings*. 3 Vols. Tel-Aviv, Devir. Vol. 1. 500 p. Vol. 2. 460 p. Vol. 3. 516 p.
- Brenner, Y. H. (1976). In *The Short Jewish Encyclopedia*. 11 Vols. Jerusalem, Publ. of Hebrew Univ. in Jerusalem. Vol. 1, pp. 533–534.
- Brinker, M. (1990). *Till the Tibberian Line*. Tel-Aviv, Am Oved. 339 p.
- Dostoyevsky, F. M. (1972). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 559 p.
- Dostoyevsky, F. M. (1924). *Crime and Punishment: Novel in Six Parts with Epilogue* / transl by Y. H. Brenner. Warsaw, Shtibl. 550 p.
- Hebrew Bible. Genesis, Exodus, Leviticus, Isaiah, Job, Song of Songs, Psalms*. (1983). Jerusalem, Koren. 9290 p.
- Kushnir, M. (1924). In *These Days*. In *Hedim*. No. 3 (1), pp. 88–89.
- Lapidus, R. (1985). About Leviathan and the Wild Bull, the Allusions of Josef Chaim Brenner to Fedor Dostoyevsky. In *Scales*. No. 1–2 (69), pp. 31–33.
- Lapidus, R. (1993). Russian Concepts and Language Patterns in the Novel *Around the Point* by Y. H. Brenner. In Shamir, Z., Goltsman, A. (Eds.). *Turning Points in Hebrew Literature and its Linkage to Other Literatures. Collected of Articles*. Tel Aviv, Tel Aviv Univ., pp. 157–166.
- Lapidus, R. (2004). *Russkie vliyaniya na ivritskuyu literaturu v period mezdu 1870–1970 godami* [Russian Influences on Hebrew Literature between 1870 and 1970]. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN. 267 p.
- Ramzach-Rauch, G. (1979). *Brenner and the Modern Literature*. Tel-Aviv, Eked. 201 p.

Raph-Raph (Yakov Rabinovich). (1924). Remarks and Notes (Concerning *Crime and Punishment*). In *Hedim*. No. 3 (1), pp. 90–93.

Sagiv-Feldman, Y. (1979). From Dostoyevsky to Brenner. In *Hebrew Annual Rev.* No. 3, pp. 91–104.

Sagiv-Feldman, Y. (1985). Between the Myth and the Tragedy: “Around the Dot” as a Response to the Translation by Brenner of “The Crime and the Punishment”. In *Brenner’s Notebooks. 3–4. Collection of Articles*. Tel-Aviv, Devir, pp. 217–238.

Werses, Sh. (1985). Articles by Brenner and their Characteristics. In *Brenner’s Notebooks. 3–4. Collection of Articles*. Tel-Aviv, Devir, pp. 183–189.

The article was submitted on 19.04.2018